

Заявления свидетеля Матвеева об издевательствах над ним в Финляндии

Заявление г. Матвеева корреспонденту ТАСС

ЛЕНИНГРАД, 2 июня. (ТАСС). Вернувшись из Гельсингфорса 1 июня в Ленинград г. Ф. С. Матвеев, свидетель по делу Анттила, в беседе с корреспондентом ТАСС заявил следующее:

«Уже в первый день суда свидетели обвинения в полицейские, окружавшие меня в советской комнате, угрожали мне расправой, если я не покажу, что Нордстрем был связан по приказу Анттила. Однако, эти угрозы на меня не действовали, и я заявил суду, что никаких кривых лбов советского человека в отделе Анттила я не слышал, как и не слышал переговоров о том, что кого-то из пленников финнов казнили».

После моего показания угрозы по отношению ко мне усилились. Мне прямо говорили: «Ты отсюда живым не уйдешь. Мы тебя зарежем, растерзем, зачистим. Ты должен показать на суде против Анттила, иначе расправа с тобой будет коротка».

Нервничавшие до предела под влиянием этих угроз, не имея выхода из положения и опасаясь за свою жизнь, я дал на следующий день суду требуемые от меня показания.

Отношение ко мне со стороны свидетелей, суда и полицейских после этого резко изменилось к лучшему.

Меня подкарауливали, ждали у туалета около 250 марок, обещая в ближайшее время собрать для меня 30.000 финских марок. Но после этого меня одного уже никто не отпускал. Со мной все время был бело-каменный охранник, он же свидетель обвинения Каллинен, который мне несчет фантомов Куусинена, и полицейские.

Сознавая, что я совершил предательство, и чувствуя глубокое раскаяние, я решил покончить самоубийством, предварительно доведя до сведения Полякстрема обо всем случившемся. Но, как я уже Вам сказал, с меня не снимали галса и нивула одного не отпускали. Поэтому я написал на своем паспорте о происшествии, решил найти какой-нибудь способ послать его в Полякстрем, а потом уже покончить с собой.

29 мая мне удалось хитростью отделаться на несколько минут от сопровождавшего меня Каллинена и добраться до Полякстрема. Там я передал мой паспорт и попросил, чтобы он передал его в Полякстрем.

Перед моим отъездом в Ленинград меня в Полякстреме допросил представитель финляндской прокуратуры в присутствии главного полтора. Во время этого допроса я вновь подтвердил все то, что я уже изложил Полякстрему и что я сообщаю сейчас Вам.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

гражданина СССР Матвеева, Федора Степановича, произведенный генеральным секретарем канцлера юстиции Финляндии г. Тарьянз в помещении Полпредства СССР в Финляндии

31 мая 1936 года.

Присутствовали: полпред СССР — г. Асму, канцлер СССР — г. Тарьянз.

Переводчик полпредства — г. Пастуш.

Допрос переводился с финского представителя финских властей г. Стамборг.

Допрос начался в 18 час. 40 мин.

Вопрос: Вы по-фински не говорите?

Ответ: По-фински не говорю, но понимаю.

Вопрос: Ваше имя, отчество, место и год рождения?

Ответ: Матвеев, Федор Степанович, родился 11 ноября 1896 года в Автономной Карельской Советской Социалистической Республике, Ружевском районе, деревне Коргоуба.

Вопрос: Вы, может быть, расскажете, что Вы хотели рассказать? Сколько раз Вас допрашивали?

Ответ: 26 мая меня допрашивали первый раз, 27-го — второй раз.

Вопрос: При втором допросе 28 мая Вы назвали свои показания?

Ответ: Да, на втором допросе я изменил свои показания.

Вопрос: Вы помните точно, что первый день 25 мая Вас допрашивали, а допрашивали 26-го, 27-го и 28-го?

Ответ: Да! Помню точно.

Вопрос: По газетам установившийся, в какие дни допрашивали Матвеева. Это продолжается 10 минут.

Вопрос: Согласно газетам, первый допрос имел место в понедельник. Вы помните определенно, что первый раз по существу дела Вас допрашивали на второй день процесса?

Ответ: Да, по существу дела меня допрашивали на второй день процесса.

Вопрос: И на втором допросе Вы назвали свои показания?

Ответ: Да, на втором допросе я изменил свои показания.

Вопрос: Значит, Вас допрашивали 3 раза?

Ответ: Да, на второй, третий и четвертый день процесса.

Вопрос: Будьте любезны, объясните, по каким причинам Вы изменили свои показания?

Ответ: Вот по каким причинам я изменил свои показания: при выходе из здания суда стоял полицейский и спросил: «Что, Матвеев, говоришь на финском языке или на русском?» Тот ответил: «На русском». Тогда первый полицейский сказал другому: «Ладно, он будет говорить по-фински, мы его научим, он отсюда не выйдет».

Вопрос: Этих двух полицейских Вы заметили у дверей? Вие зала?

Ответ: Да, вие зала у порога.

Вопрос: Они были в форме?

Ответ: Да, в форме.

Вопрос: И один из них спросил другого?

Ответ: Да.

Вопрос: На каком языке он спросил?

Ответ: На финском.

Вопрос: Что он спросил?

Ответ: Он спросил, говорю ли я по-фински. Тот ответил: «Он говорит по-русски, но мы его научим говорить. Он отсюда не выйдет».

Вопрос: Первый, который спрашивал, тот сказал, что «мы его научим»?

Ответ: Да.

Вопрос: А потом что? Вы, значит, так хорошо понимаете по-фински, что даже можете следить за финским разговором?

Ответ: Да, понимаю хорошо, но говорить не могу: удержание у меня получается неправильное.

Вопрос: Вы можете теперь следить за мной переводом, когда я перевожу?

Ответ: Да, могу. Я только некоторые отдельные слова не понимаю.

Вопрос: В главных чертах Вы понимаете?

Ответ: Да, в главных чертах понимаю.

Вопрос: Что потом случилось у Вас?

Ответ: Потом я попал в зал ожидания вместе с тов. Шиллером.

Вопрос: Это был сопровождавший Вас человек?

Вопрос: А что, эти свидетели знали, что Вы на суде показывали?

Ответ: Я не знаю — знали они или нет.

Вопрос: А они спрашивали, что Вы на суде говорили?

Ответ: Они спрашивали, но я им ничего не отвечал.

Вопрос: А потом что случилось?

Ответ: После таких издевательств надо мной и их словесами: «Что вы от меня хотите? Что вы хотите?»

Вопрос: Когда же они стали угрожать, что расстреляют Вас?

Ответ: Когда ушел Шиллер. До его ухода мы говорили вместе и при нем, только они были не так близко и не так слышно было.

Вопрос: А что они говорили Вам при Шиллере?

Ответ: Они говорили: «Отвези на выдеш». Все разговоры в куту не собирались.

Вопрос: Вы еще подробнее об этих угрозах можете рассказать?

Ответ: Даже при Шиллере они бросились на меня, Шиллер, угрожал расстрелом: «У тебя нос большой, масляный, ты жди, разбить нужно этот нос». Они оскорбляли советское подполковника. Указывая на Шиллера, они сказали: «Этого свидетеля все равно убьют».

Вопрос: Кто это говорил?

Ответ: Их было двое, фамилии их не знаю.

Вопрос: И оба говорили?

Ответ: Один настойчиво настаивал, а другой только подкалывал.

Вопрос: Вы не можете их назвать?

Ответ: Не могу назвать.

Вопрос: Эти лица были трезвые или пьяные?

Ответ: Было замечено, что они как будто выпивали, но не очень пьяные.

Вопрос: Раз на Вас уже нападали, почему Вы остались одни, когда Шиллер ушел?

Ответ: Я пришел на суд для дачи показаний и не должен был отлучаться из здания суда.

Вопрос: Вы только что сказали, что они на Вас нападали. Что они от Вас требовали?

Ответ: Они мне сказали: «Ты должен говорить правду. Ты должен сказать, что Марьянсон сожжен на костре, что ты там от слышал».

Вопрос: Они говорили, что Вы должны сказать правду, все, что Вы знаете?

Ответ: Не все, что я знаю, а все, что они хотят, т. е. сказать, что Марьянсон сожжен на костре и что я должен в этом сознаться.

Вопрос: Более подробно они сказали, что они хотели от Вас?

Ответ: Они сказали: «Раз ты там был, ты должен был видеть и слышать о сожжении Марьянсона. Ты должен в этом сознаться».

Вопрос: Они дали Вам какие-нибудь подробности или намеки?

Ответ: Я уже здесь пришел к такому заключению, что я отсюда не выйду, и сказал им: «Раз требуется, я дам такие показания».

Вопрос: Они подробно не давали Вам указания?

Ответ: Они спрашивали, слышал ли я или видел ли я, и добавили: «Выдайте-ка, ты должен сознаться».

Вопрос: Они принуждали Вас дать какие-нибудь показания?

Ответ: Нет, пока конкретно не говорили, но давили на Вас сейчас расскажу, как это было.

Вопрос: И на эти угрозы Вы сказали, что Вы подумаете?

Ответ: Да, я сказал, что я подумал и потом скажу им, к какому заключению я пришел.

Вопрос: Когда свидетели все это Вам говорили, кто-нибудь из них выступал в качестве главы, зачинщика?

Ответ: Они все тут группой нахально лезли.

Вопрос: Так что Вы не можете сказать, кто именно из них?

Ответ: Да тут прямо заглушили.

Вопрос: Когда Вы им отвечали, что Вы подумаете, что они Вам сказали?

Ответ: Мне сказал Вилле Нюми: «Ты же, Матвеев, был там». Тут же были Вадим и Иванов.

Вопрос: Значит, они подошли к Вам?

Ответ: Тут ли было больше, но я их фамилии не знаю.

Вопрос: И что сказал Вам Вилле Нюми?

Ответ: Он сказал: «Ты был там, а раз ты был, значит, знаешь. Раз ты сказал, что подумал, — тебе придется повторить с нами вместе и рассказать, что видел и что случилось».

Вопрос: А потом?

Ответ: Я сказал: «Вечером будет видно. После окончания заседания суда зайду в консульство, поужинаю, выйду на улицу и поговорю».

Вопрос: Значит, по выходе Вы пойдете к ним и поговорите?

Ответ: Да.

Вопрос: А потом?

Ответ: А потом, когда я сказал, что выйду, некоторые стали расспрашивать меня о своих знакомых. Я отказывался, объяснял. Еще они тут же сказали: «Если Шиллер придет, мы от тебя отойдем. Дам тебе обмундировку, а когда придет туда на работу, на улицу, мы там договоримся». Вскоре пришел Шиллер, мы вышли с ним и пошли домой в Полякстрем.

Вопрос: После этого?

Ответ: После этого я пришел домой и решил, что я, как честный свидетель, разболтал это перед судом и сплел, — могут так поступать перед свидетелями?

Вопрос: Значит, на улице Вы никого не встретили?

Ответ: На суд я ушел с Шиллером на машине, а на улицу я не выходил.

Вопрос: А потом?

Ответ: А потом переночевал ночь, а утром вместе с Шиллером уехал на суд. Пришел в зал суда. Почти все уже были там на месте. Шиллер сидел со мной и ко мне никто не подходил.

Вопрос: Там были те же самые люди?

Вопрос: Да, те же самые, что и накануне, те же были.

Вопрос: При Шиллере, значит, никто не вступил с Вами в разговоры?

Ответ: Да, никто.

Вопрос: Значит, Шиллер ушел. А что случилось после ухода Шиллера?

Ответ: Да, Шиллер сказал, что ему надо уйти по делам службы, и ушел. Как только он ушел, все подошло ко мне, подошли мне руки и шпоры: «Почему Вы вчера не пришли?»

Вопрос: Кто там подошел к Вам?

Ответ: Вадим, Каллинен, Вилле Нюми, Иванов, один из полицейских и какой-то священник.

Вопрос: Полицейский был в форме?

Ответ: Он не был в форме, но там все говорили, что он из полиции.

Вопрос: Этот священник тоже разговаривал с Вами?

Ответ: Да, разговаривал. Он спросил, почему я вчера не пришел и помню ли я вчерашние разговоры.

Вопрос: И что Вы ответили?

Ответ: Я ответил: «Я не пришел, но я все разговоры помню. Я их скажу на суде и спросу — правды ли Вы так со мной говорите?»

Вопрос: Вы сказали, что на суде спросите — могут ли они так поступать?

Ответ: Да, сказал, что спрошу на суде «могут ли вы меня ругать и угрожать?» Полицейский, который сидел рядом со мной, сказал: «Вот, ты отсюда не выйдешь, засидишься».

Вопрос: Ну, потом?

Ответ: Потом этот полицейский мне говорит: «Что ты эти хочешь выгнать?»

Вопрос: Потом?

Ответ: Я говорю: «Я ничего не хочу. Я хочу спокойствия и чтобы ко мне не приходили».

Вопрос: Потом?

Ответ: Потом размыслилось так: полицейский высочай, отделив группу людей, куда-то пошел, вернувшись, стал разговаривать свидетелям какие-то записки. Они стали переписываться между собой и, смеясь, говорили: «Ладно, выйдите».

Вопрос: Чистые бумажки или бланки?

Ответ: Чистые бумажки, а кто и в блокнот записывал.

Вопрос: Что же они стали записывать?

Ответ: Я не знаю, что они там записывали. Но только слышал разговор по моему адресу «не выйдешь отсюда».

Вопрос: Выходило?

Ответ: Да, выходило, слышимость была удовлетворительная.

Вопрос: Ну, какой нажим имелся?

Ответ: Потом пришел Шиллер, после полудня, и мы вышли в столовую напротив. Во время обеда там сидел один из состав суда, который сказал: «Он здесь установленный? Пришел сюда устраивать советскую власть, мы его сделаем красным».

Вопрос: Вы, значит, вышли из здания суда?

Ответ: Да, это было напротив. Это была столовая или столовая. Я знаю, что он из состава суда, т. е. Шиллер его спросил: «Скоро ли будут Матвеева допрашивать, т. е. он человек почти больной, но привыкший к этой обстановке. Его надо допросить и поскорее отправить домой».

Вопрос: Попробуйте, что сказал разговаривавший с Вами?

Ответ: Он сказал: «Он сюда пришел красную власть установить. Мы его сегодня одолеем красным».

Вопрос: Почему он это говорил?

Ответ: Людям, которые сидели с ним.

Вопрос: На каком языке он говорил?

Ответ: Он говорил на финском языке.

Вопрос: Что он еще тут подкалывал?

Ответ: Когда Шиллер его спросил на улице — скоро ли меня допрашивают, он ответил: «Вот как-то — допрашивают, а если захотят — растерзали». Он говорил со Шиллером на плохом русском языке. Я спросил его по-фински: «Кого растерзали?» Он ответил по-фински: «Синну» (тоби), я больше ничего не сказал, и мы последовали в зал ожидания.

Вопрос: После этого?

Ответ: После этого, когда мы стали подходить к залу ожидания, подошел Каллинен и другие и Каллинен сказал мне: «Если ты не согласишься правды, которую мы требуем (а они требовали, чтобы я сказал, что Марьянсон сожжен на костре отрядами Анттила), — материалы твои я дам тебе и тебя увезут на авто-мобиле».

Вопрос: А Шиллер был тут?

Ответ: Шиллер прошёл вперед в зал ожидания, а меня они отстояли.

Вопрос: Где это происходило?

Ответ: При входе в зал ожидания, в коридорчике, против буфетной.

Вопрос: Что же они Вам сказали?

Ответ: Они мне сказали: «Выходить лобом. Ты отсюда не выйдешь живым. Живой или мертвым?»

Вопрос: Кто это говорил?

Ответ: Все они говорили.

Вопрос: Значит, если Вы не будете говорить согласно их требованиям, — Вы отсюда не выйдете?

Ответ: Да, и я решил сказать.

Вопрос: А потом, что произошло?

Ответ: Каллинен мне повторил свои угрозы, а к тому я еще также угрозы слышал и от состава суда. Поэтому я решил пойти на уступки, решил, что придется говорить правду, чтобы уйти отсюда живым и спасти свою жизнь.

Вопрос: Значит, Вам определенно не было сказано, что именно говорить?

Ответ: Здесь уже было сказано определенно. Каллинен сказал: «Скажи, что слышал, что Марьянсон сожжен на костре; скажи, что плохо у вас живется, скажи все».

Вопрос: Потом?

Ответ: По-первым, он мне велел сказать, что Марьянсон сожжен, а потом он сказал: «Будут допрашивать о Ваших работах, — говоря, что все плохо. Останешься здесь и отсюда не уйдешь».

Вопрос: И еще что?

Ответ: Потом я тут уже пришел к безвыходному положению и я им сказал: «Хорошо, буду говорить, что требует, и останусь здесь».

Вопрос: И на основании этого Вы изменили Ваши показания?

Ответ: Да, я оказался вынужденным на основании этого и дал новые показания на суде.

Вопрос: Вы давали показания на суде?

Ответ: Да, первый раз я говорил правду. Говорил, что я знал.

Вопрос: Как же Вы на втором допросе дали другие показания? Как же Вы нарушили присягу?

Ответ: Я об этом думаю. Только у меня не хватало сил получить из-за насилья. Я уже был бесконечен. Мне говорили, что если я не буду говорить, что ни знаю, мне будет установленная или смерть. После того, как я дал такие показания, я и myself в зал ожидания, где все, в том числе и полиция, были рады. Меня окружили, тут же дали около 250 финских марок. Когда собрали деньги, Шиллер сидел в стороне и смотрел. Они позвали ко мне и сказали: «Матвеев, ты же бесповоротен. Через 5-6 дней я тебе дам 30.000 марок, как только доведу до места». Одна женщина сказала: «Я сделаю сбор и соберу для тебя деньги». После этого подошел Шиллер, который начал читать мне домой, но я ему сказал: «Ничего, я потом приду». Когда Шиллер ушел, все посвящали меня и все и говорили: «Ничего, выйдешь».

Вопрос: Вы теперь подтверждаете данные Вами сейчас показания?

Ответ: Да, подтверждаю.

(В 21 час записи допроса прекращается, но Матвеев продолжает говорить: «Еще мне не все. Я еще расскажу, что было дальше».

Протокол допроса Матвеева рассказывает, что он будет записывать только отдельные моменты. Матвеев рассказывает, как его уговорили молчать на какой-то квартире и ему заявили, что его будут отправлять от советских: что с ним вместе поехали Каллинен и Нюми; что всю ночь возле этого дома дежурил полицейский, а на утро Каллинен и Нюми да на машине повели его к какому-то человеку, в какой-то двор и положили на лифте на какой-то этаж (3-й или 4-й). Этот человек инструктировал Матвеева, как говорить на суде, рекомендовал ему рассказать правду, как будто живешь в СССР и т. д. Оттуда все эта компания, вместе с инструктировавшим его человеком, на двух машинах поехали в суд.

Далее Матвеев рассказывает, что, осознавая свое преступление перед Анттилайном — мое ложные показания против него, он решил покончить самоубийством, предварительно поставив в известность Полякстрема о том, как его терроризировали и заставляли дать ложные показания. В ночь на 29-е мая Матвеев, находясь на квартире Каллинена, написал заявление в Полякстрем на своем паспорте и решил его как-нибудь передать в Полякстрем на следующий день 29-го мая. Однако, его никто из себя не отпустил Каллинен. Тогда он воспользовался хитростью, освободившись от Каллинена на несколько минут, он сам на такси, являясь в советское консульство, сдал паспорт дежурному и хотел уйти, чтобы бороться под трамвай, но в это время вышел консул, который его уловил, и он остался в Полякстреме, рассказав обо всем и просил поскорее отправить его в СССР).

Вопрос: Вы на суде говорили, что никто Вас не заставлял. Что же Вас заставляло так показывать?

Ответ: Да, подтверждаю. Я был до того устал, что готов был в любую ночь.

Вопрос: Этот человек, с которым Вы ехали на следующий день, тоже велел Вам говорить, что Марьянсон сожжен на костре?

Ответ: Этот человек не просил меня говорить, что Марьянсон сожжен на костре. Об этом велел мне говорить полковник, который тут же Каллинен. А вынужденный человек велел мне говорить на суде о том, что творится в СССР.

Вопрос: Вы не могли устоять перед угрозами?
